В современной историографии по-прежнему существуют как сторонники критиков ориентализма, так и те, кто поддерживает традиционные методы исследования, однако можно говорить, что кризис востоковедения, начавшийся в 1960-е гг., в целом преодолен. Тем не менее продолжается поиск способов, которые помогут «избежать» ориентализма – схематичного, редукционистского видения и изучения Востока. Среди них можно выделить использование улучшенной методологии, в частности той, которая бы помогала рассматривать страны Запада как нечто периферическое, имеющее свои противоречия и недостатки. Благодаря идеям А. Абдель-Малика, А. Л. Тибави и Э. Саида произошло переосмысление не только востоковедения, но и всех других сфер науки, которые бы имели дело с изучением истории стран Азии и Африки. Мир больше не воспринимается как сосредоточение западных идей и ценностей; Восток перестал быть пассивным, неизменным явлением; началась переоценка колониального наследия как для бывших метрополий, так и для их колоний. Публикация Э. Саида «Ориентализм» положила начало новым направлениям в историографии, в частности постколониальной теории и теории колониального дискурса.

Несмотря на положительные сдвиги в данной сфере и на то, что новые подходы уже выработаны, тем не менее говорить о применимости этих методов или же о том, что они действительно могут изменить парадигму исследования, еще рано. Именно по этим причинам работы критиков западной ориенталистики по-прежнему актуальны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: *Hübinette T.* Orientalism past and present: An introduction to a postcolonial critique // The Stockholm J. of East Asian Studies. 2003. № 13. P. 73.
[2] *Macfie A. L.* Orientalism: A Reader. New York, 2000. P. 1.
[3] См.: *Никитин М. Д.* Ориентализм Э. Саида, теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к выработке нового понимания проблемы // Новая и новейшая история. 2003. Вып. 21. С. 35.
[4] *Abdel-Malek A.* Orientalism in Crisis // Diogenes. 1963. № 44. P. 14–105.
[5] См.: *Tibawi A. L.* English-Speaking Orientalists: A Critique of Their Approach to Islam and Arab Nationalism. Pt. 1 // Islamic Quarterly. 1964. Vol. 8, № 1. P. 66.
[6] *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 9.
[7] Там же. С. 27.
[8] См.: *Macfie A. L.* Op. cit. P. 27.
[9] *Abdel-Malek A.* Op. cit. P. 103.
[10] *Tibawi A. L.* Op. cit. P. 3.
[11] *Саид Э. В.* Указ. соч. С. 509.
[12] Там же. С. 60.
[13] Там же. С. 465.
[14] Там же. С. 37.
[15] Там же. С. 9.
[16] Там же. С. 14.
[17] Там же. С. 8.
[18] См.: *Lewis B.* The Question of Orientalism [Review] // New York Review of Books. 1982. Vol. 13, № 29. P. 46–58. Rev. of the book: Said E. W. Orientalism. New York, 1978. P. 11–12.
[19] См.: *Macfie A. L.* Orientalism. London, 2002. P. 11.
[20] *Williams P.* Edward Said : in 4 vol. London, 2001. Vol. 3. P. 130–134.
[21] См.: *Саид Э. В.* Указ. соч. С. 312.
[22] Там же. С. 15.
[23] См.: *Macfie A. L.* Orientalism: A Reader. New York, 2000. P. 291.
[24] *Lewis B.* The Question of Orientalism [Review]…
[25] См.: *Macfie A. L.* Orientalism. London, 2002. P. 13.

Поступила в редакцию 19.09.2014.

Анастасия Олеговна Коршикова – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета БГУ В. С. Кошелев.

УДК 94(438).07

Е. Г. ЛУФЕРЧИК

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС: ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ

Анализируются различные историографические подходы к раскрытию сути польского вопроса и определению событий, приведших к его постановке. Делается вывод о том, что понятие «польский вопрос» было сформулировано в дипломатических отношениях накануне первого раздела Речи Посполитой. Его содержание было связано с определением странами-соседями возможных мероприятий для решения политической судьбы Речи Посполитой, ее независимости и территориальной целостности. Кроме того, польский вопрос параллельно возник внутри польско-литовского государства. Он был обусловлен стремлением поляков к сохранению, а позже – восстановлению своей государственности и независимости. В результате польский вопрос возник в 1762–1772 гг., а был решен только после Второй мировой войны.

Ключевые слова: польский вопрос; хронология; разделы Речи Посполитой.

The article analyzes the different approaches in historiography, which relate to the disclosure of the Polish question and the definition of the events that led to his formulation. It is concluded that the term «Polish question» was formulated in diplomatic relations on the eve of the first partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Its content was associated with the definition of the neighboring countries the possible actions for solving political fate of the Commonwealth, its independence and territorial integrity. In addition, the Polish question was raised parallel to in the Polish-Lithuanian state. It was associated with aspiration of Poles preserve (and later – recovery) its statehood and independence. For example, the Bar Confederation put such a task. As a result, the Polish question was posed in 1762–1772, but was resolved only after the Second World War.

Key words: the Polish question; chronology; partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Польский вопрос являлся одной из наиболее острых и противоречивых проблем в истории международных отношений, европейских государств и народов. В историографии он рассматривается в нескольких проекциях: как международная проблема европейской дипломатии[1], как важная внутриполитическая задача Российской империи, связанная с организацией управления польскими губерниями и ликвидацией польского влияния на территории белорусских, литовских и украинских губерний[2]. Кроме того, польский вопрос изучается как частное проявление процесса национального пробуждения европейских народов[3]. Также исследователи отмечают его имагологический характер, связанный со взаимоотношениями русских и поляков, стереотипностью оценок друг друга[4]. Вариативность понимания сути польского вопроса обусловила различные подходы к определению его хронологических границ.

Одни исследователи, отождествляющие польский вопрос с историей российско-польских отношений, связывают его не только с проблемами решения политической судьбы польского государства, но и с периодами более ранней истории. Например, это активизация в XV в. борьбы российского и польского государств за доминирование в восточноевропейском и славянском пространстве. Другие ученые постановку польского вопроса относят ко времени первого бескоролевья в Речи Посполитой, когда европейские монархи стали проявлять стремление поставить на польско-литовский престол их ставленников. М. Е. Лупанова, анализируя польский вопрос во внешней политике Екатерины II, противоречиво усматривает его начало то в XVII в., когда большинство европейских стран стали рассматривать польское государство «как поле своей деятельности или зону влияния», то с разделов Речи Посполитой, являвшихся «исходн[ой] точк[ой] польского вопроса»[5]. Л. Лещенко также отмечает постановку польского вопроса в период разделов Речи Посполитой[6]. Профессор П. В. Стегний относит истоки формулирования польского вопроса ко времени избрания С. А. Понятовского королем Речи Посполитой, когда Екатерина II «сочла создавшуюся ситуацию благоприятной для того, чтобы попытаться разрешить весь комплекс проблем, исторически накопившихся в российско-польских отношениях»[7].

В историографии представлено мнение, что польский вопрос является исключительно феноменом XIX в. Так, Ч. Хованец связывал его постановку с периодом наполеоновских войн, когда польский вопрос стал политическим инструментом в военном противостоянии Наполеона I Бонапарта и антинаполеоновских коалиций[8]. Немецкий историк Т. Шидер относил возникновение польского вопроса к XIX в., но связывал его уже со степенью формирования польской нации, когда «созревшее чувство национальной общности не приобрело очертаний внутренней и внешней свободы в виде независимого государственного быта»[9]. Российский славист К. А. Пушкаревич постановку проблемы в Российской империи видел в период восстания 1830–1831 гг.: «…до Ноябрьского восстания в России не существовало “польского вопроса”, хотя налицо было стремление ограничить полонизацию западных губерний»[10]. Белорусский исследователь В. И. Шимолин и вовсе отмечает, что польский вопрос был сформулирован после подавления восстания 1863–1864 гг., когда российским правительством и обществом была определена «задача по спасению белорусских крестьян от полонизации и католицизма»[11].

Верхняя временная граница польского вопроса также весьма размыта. В интерпретации одних исследователей он был решен в 1918 г., когда была образована Польская Республика. Часть историков и политологов, с которыми мы солидарны, связывают решение польского вопроса с 1945 г., когда по договоренностям на Потсдамской конференции были определены современные границы Польши[12]. Такая тенденция, как указывает Е. В. Борейша, характерна немецкой историографии, в которой польский вопрос объединяет события 1772–1945 гг. в одно целое по аналогии с немецким вопросом, т. е. рассматривается как проблема восстановления целостного государства и определения его границ[13]. К подобному заключению приходит и российский историк К. Н. Колмагоров, который отмечает, что даже после образования Польской Республики в 1918 г. польский вопрос не был снят с международной повестки дня. Германия и Советская Россия, равно как и Франция с Великобританией, рассматривали образованное государство как временное формирование[14]. В историографии существует мнение, что решение польского вопроса наступило лишь на рубеже 1980–90-х гг. Сторонники же отождествления польского вопроса и российско-польских противостояний склонны полагать, что польский вопрос и вовсе еще не решен.

По нашему мнению, понятие «польский вопрос» изначально было сформулировано в дипломатических отношениях накануне первого раздела Речи Посполитой. Его содержание было связано с определением странами-соседями возможных мероприятий для решения политической судьбы Речи Посполитой, ее независимости и территориального состава. До этого времени основной проблемой, дававшей повод соседям вмешиваться во внутренние дела, являлся так называемый диссидентский вопрос. Он был увязан с правовым положением некатолического населения Речи Посполитой,

в котором Россия поддерживала православных, а Пруссия – протестантов. В определенной мере можно сказать, что именно диссидентский вопрос стал основой, на которой к середине 1760-х гг. вырос польский вопрос, непосредственно угрожавший территориальной целостности и самостоятельности польского государства.

Необходимо разграничивать в русскоязычном профессиональном дискурсе понятия «польский вопрос» и «польские дела». Польские дела – куда более широкое понятие, под которым можно понимать, во-первых, всю польскую историю, во-вторых, любые внешнеполитические и межнациональные отношения, которые связывали и связывают страны и народы с Польшей и поляками, в-третьих, политические интересы стран в Польше и попытки манипулирования польской внешней и внутренней политикой. Именно третье содержание понятия «польские дела» было характерно системе дипломатических отношений, сложившейся в Европе к середине XVIII в. Например, Екатерина II под словосочетанием «польские дела» имела в виду в первую очередь интересы российского государства в Речи Посполитой. Также можно говорить о «прусских делах» или «английских делах», понимая под ними достижение выгодного положения для России в Пруссии или Англии путем оказания дипломатическим корпусом влияния при соответствующих дворах. В инструкции от 6 ноября 1763 г. при назначении «полномочным министром» князя Николая Репнина и Чрезвычайным и Полномочным Послом в Речи Посполитой графа Г. К. фон Кейзерлинга все содержание «польского дела» для Российской империи Екатерина II видела в избрании польским королем С. А. Понятовского[15]. В инструкции от 31 марта 1769 г. М. Волконскому при его назначении Чрезвычайным и Полномочным Послом «при короле и Республике Польской» российская императрица в качестве «польских дел» отмечала «восстановление наших единоверных и прочих с ними в равном случае находившихся диссидентов обоего протестантского исповедания»[16]. Именно поэтому с принятием, хотя и под давлением, сеймом Речи Посполитой «Трактата вечного между Всероссийскою империей и Речью Посполитой польской» от 13 (24) февраля 1768 г. Екатерина II считала, что «с пользой для империи и славой для нас кончились уже все дела польские»[17]. Из приведенных фрагментов следует, что «польские дела» понимались как достижение важного для Российской империи влияния на короля Речи Посполитой (политика протектората), а также равных прав диссидентов с католической церковью.

Польский вопрос выходит на передний план во время попыток не просто оказать влияние на политическую элиту в Варшаве, а тогда, когда международной дипломатией начинает рассматриваться вопрос о независимости Речи Посполитой или необходимости раздела ее территории. Такая эволюция отмечается уже в 1762 г., когда российским императором Петром III и прусским королем Фридрихом II обсуждался вопрос о возможности раздела Речи Посполитой. Свидетельства состоявшейся договоренности зафиксированы в депеше австрийского дипломата при российском дворе М. д'Аржанто австрийскому канцлеру В. А. Кауницу от 24 апреля 1762 г. В письме М. д'Аржанто сообщал о том, что ему известно содержание соглашения, по которому после смерти «польского» короля Августа III «королю прусскому будет обещана Польская Пруссия, а императору русскому – Малороссия или польская часть Украины»[18].

Н. Дэвис также отмечает наличие практических планов раздела Речи Посполитой еще до 1772 г. Так, в 1768 г. Фридрих II предоставил Екатерине II план раздела Речи Посполитой и ждал ее согласия, подталкивая к такому решению угрозой возможного союза Пруссии с Австрией и Турцией. Австрия, в свою очередь, также склоняла Россию к разделам Речи Посполитой проведением агрессивной военной кампании на территории польско-литовского государства и занятием части его территории[19].

В тексте инструкции новому Чрезвычайному и Полномочному Послу России в Речи Посполитой К. Сальдерну от 5 марта 1771 г. Екатерина II употребила слово «независимость», косвенно свидетельствуя о действительной постановке вопроса о политической судьбе Речи Посполитой. «Чтобы продемонстрировать польской нации ее независимость и в то же время удержать Наши гарантии, – отмечалось в инструкции, – Мы (Екатерина II. – *Е. Л.*) согласимся на все приемлемые изменения, даже в государственных и экономических вопросах, предварительно консультируясь с вами»[20]. Более того, инструкция санкционировала применение угроз в качестве «средства» достижения решения «польских дел» (все то же влияние на С. А. Понятовского и диссидентский вопрос). В качестве такой угрозы предусматривалось «подтвердить те тревожные аспекты… которые представляют собой политические маневры со стороны соседних держав»[21]. Так Екатерина II давала понять, что поляки должны знать и учитывать возможное расчленение их государства. Фридрих II более конкретно и открыто высказывался, что слабость Речи Посполитой достигла той точки, в которой она сделалась угрозой для международного баланса сил; точкой, в которой «легальный раздел» был последним способом прекращения незаконных аннексий[22]. Таким образом, формулирование польского вопроса было связано с посягательством соседних стран на независимость Речи Посполитой и проявилось в обсуждении в 1762–1772 гг. возможного радикального решения политической судьбы польской государственности путем раздела ее территории.

Практически параллельно с постановкой польского вопроса во внешней политике он был определен и внутри общества Речи Посполитой. Истоки его формулирования в польской общественно-политической и правовой мысли, с нашей точки зрения, относятся ко времени Барской конфедерации в Речи Посполитой (1768–1772 гг.), созданной с целью защиты внутренней и, впервые, внешней

независимости Речи Посполитой. Непосредственным поводом к ее образованию послужили насильственные действия российского посла Н. В. Репнина, который в 1767–1768 гг., с одной стороны, похитил сенаторов и депутатов сейма и выслал их в Калугу, а с другой, подкупив депутатов сейма, добился принятия «Трактата вечного мира». Подписание «Трактата вечного мира» 29 февраля 1768 г. и события, приведшие к этому, рассматривались конфедератами как угроза самостоятельности Речи Посполитой и польской нации. Барская конфедерация, по мнению А. Валицкого, «выявила особенно важный момент в истории польского национального самосознания: момент осознания того, что принцип суверенности наций, который лежит в основе республиканизма, требует защиты не только от угрозы "внутри", но также, не в меньшей степени, и от угрозы "извне". Таким образом, идея суверенности "шляхетской нации", успешно противопоставленная всяким устремлениям к "*adsolutum dominium*", преобразовалась в обоснование права поляков на независимость»[23]. И не случайно, что именно в это время в польском языке появилось слово *niepodległość* (независимость), которое являлось калькой латинского выражения *independentia*.

Основной идеей польского национализма стала не «идея особой этнокультурной идентичности, которую нужно найти, укрепить и защищать, а идея неизбывной суверенности народа во внутренних и внешних отношениях»[24]. Другими словами, идея польской нации в конце XVIII – начале XIX в. основывалась не на культурно-просветительской работе «будителей» для осознания поляками своей этнической идентичности, а на политико-правовом осознании права наций на независимость. В результате в период разделов Речи Посполитой нация понималась поляками не как этническая принадлежность, а как принадлежность к государству. Именно посягательства на разделы, а потом и сами разделы Речи Посполитой фактически поставили на повестку дня польского общества польский вопрос как стремление к восстановлению своей национальности, а следовательно, и государственности.

Таким образом, хронологическая локализация польского вопроса является одним из дискуссионных вопросов в историографии. С нашей точки зрения, его формулирование происходило в дипломатических отношениях накануне первого раздела Речи Посполитой, когда на протяжении 1762–1772 гг. Пруссия, Россия и Австрия разрабатывали мероприятия для решения вопроса о политической судьбе польско-литовского государства, его независимости или разделе территории. Предпринимаемые действия соседних государств привели к постановке польского вопроса и определению его содержания также и внутри польского общества, для которого он стал синонимом борьбы за возрождение государственности и сохранение национальной самостоятельности. В связи с вхождением поляков в состав других многонациональных государств, а также влиянием, которое он оказывал на национальные процессы других народов, польский вопрос также имел межнациональное значение.

По причине присоединения польских земель к крупным конкурирующим между собой имперским государственным образованиям самостоятельное решение польского вопроса было невозможным ни в России, ни в Пруссии, ни в Австрии. Любые действия в данном направлении одной из стран рассматривались другими как угроза и попытки манипулирования. Решение польского вопроса было возможно только в результате масштабной трансформации европейских границ, предпосылки для которой создали Первая и Вторая мировые войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: *Biskupski M. B.* The History of Poland. Westport, 2000. P. 22 ; *Davies N.* Boz'e igrzysko: historia Polski. Kraków, 2002. S. 521 ; *Skowronek J., Snoch B.* Szkolny słownik historii Polski, losy porozbiorowe 1795–1918. Warszawa, 1997. S. 125 ; *Wandycz P. S.* The United States and Poland. Cambridge, 1980. P. 60 ; *Wereszycki H.* Sprawa polska w XIX wieku // Polska XIX wieku: państwo, społeczeństwo, kultura. Warszawa, 1977. S. 121–122.

[2] См.: *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 8 ; *Иванова С. И.* «Польский вопрос» в русской философии культуры второй половины XIX века : автореф. дис. … канд. филос. наук : 24.00.01. Белгород, 2011. С. 3 ; *Кручковский Т. Т.* «Записка о Польше» Н. М. Карамзина как определение польского вопроса в России в первой трети XIX века // История Польши в историографической традиции XIX – нач. XX в. : материалы Междунар. науч. конф. (Гродно, 29–30 окт. 2009 г.). Гродно, 2011. С. 101 ; *Пислегин Н. В.* Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/portal/node/2371 (дата обращения: 19.11.2013).

[3] См.: *Емельянов Е. П.* Национальный вопрос в переписке И. С. Аксакова и Н. И. Костомарова // Научный диалог. 2013. № 6 (18). С. 25–26 ; Становление и развитие белорусской государственности. Минск, 2011. С. 17 ; *Яковкина Е. В.* Польский национальный вопрос в контексте модернизационных процессов (на примере истории польских земель последней трети XIX – начала XX в.) // Славяноведение. 2009. № 1. С. 62.

[4] См.: *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики. С. 8–9 ; *Иванова С.* Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. 2012. № 1 (2). С. 31 ; *Кутявин В. В.* Польша и поляки в советской и современной российской историографии: устойчивость стереотипов // Историки-слависты МГУ. М., 2011. Кн. 8. С. 954.

[5] *Лупанова М. Е.* Польский вопрос в политике Екатерины II в начале ее царствования // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2008. Т. 10, № 4. С. 983.

[6] См.: *Лещенко Л.* Польский вопрос в русской философско-религиозной мысли на рубеже XIX–XX веков. Владимир Соловьев, Дмитрий Мережковский, Николай Бердяев. Вроцлав, 2006. С. 9.

[7] *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 409.

[8] См.: *Борейша Е. В.* К истории польского вопроса в XIX–XX веках // Европа : журн. Польского ин-та междунар. дел. 2002. Т. 2, № 1 (2). С. 217.

[9] *Борейша Е. В.* К истории польского вопроса… С. 218.

[10] *Пушкаревич К. А.* Из истории польской революции 1830–1831 гг. // Тр. Ин-та славяноведения АН СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 237.
[11] *Шимолин В. И.* У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. Минск, 2010. С. 6.
[12] См.: *Skowronek J., Snoch B.* Szkolny słownik historii Polski, losy porozbiorowe 1795–1918. Warszawa, 1997. S. 126.
[13] См.: *Борейша Е. В.* К истории польского вопроса… С. 217.
[14] См.: *Колмагоров К. Н.* Польский вопрос в 1914–1921 гг.: поиск ответа // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2006. № 2. С. 50.
[15] См.: Общее наставление аккредитованным при Республике Польской нашему Чрезвычайному и Полномочному Послу графу Кейзерлингу и нашему Полномочному Министру князю Николаю Репнину. 6 ноября 1763 года // Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 537.
[16] Инструкция нашему генерал-аншефу, генерал-адъютанту, сенатору, лейб-гвардии конного полка подполковнику, Чрезвычайному и Полномочному Послу при короле и Республике Польской, князю Михайле Волконскому. 31 марта 1769 года // Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 543.
[17] Там же. С. 548.
[18] С.-Петербург, 25-го апреля. Гр. Мерси графу Кауницу // Сб. Императорского Русского исторического общества. СПб., 1876. Т. 18. С. 280.
[19] См.: *Davies N.* Boz'e igrzysko: historia Polski. Kraków, 2002. S. 521 ; *Skowronek J., Snoch B.* Szkolny słownik historii Polski, losy porozbiorowe 1795–1918. Warszawa, 1997. S. 125 ; *Wandycz P. S.* The United States and Poland. Cambridge, 1980. P. 60 ; *Wereszycki H.* Sprawa polska w XIX wieku // Polska XIX wieku: państwo, społeczeństwo, kultura. Warszawa, 1977. S. 484.
[20] Инструкция нашему Чрезвычайному и Полномочному Послу при Короле и Республике Польской действительному тайному советнику господину Сальдерну. 5 марта 1771 года // Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 573.
[21] Там же.
[22] См.: *Davies N.* Op. cit. S. 484–485.
[23] *Валіцкі А.* Нацыя, нацыяналізм, патрыятызм. Мінск, 2012. С. 76–77.
[24] Там же. С. 93.

Поступила в редакцию 23.12.2014.

Евгений Георгиевич Луферчик – аспирант кафедры истории России исторического факультета БГУ. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета БГУ В. В. Сергеенкова.